

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ.

(Ежемесячное издание)

1931 год.

Год издания первый.

№ 4.

Цена отдельного №—1 р. 25 к.

Адрес редакции:

Москва, 5.

Баумановский пер., д. № 6.

Официальный отдел.

Постановления Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода.

А. О составе летней сессии Вр. Патриаршего Священного Синода в 1931 г.

от 2 апреля 1931 г. за № 60.

СЛУШАЛИ: Предложение Заместителя следующего содержания: „В виду окончания зимней сессии нашего Синода Преосвященные Архиепископы Велико-Устюжский Софроний (Арефьев) и Иваново-Вознесенский Павел (Гальковский) и Епископы Уфимский Иоанн (Поярков) и Семипалатинский Иннокентий (Никифоров) после 22 апреля увольняются от присутствия в Синоде во вверенные им Епархии; на летнюю же сессию с. г. к означенному присутствию в порядке очереди вызываются Преосвященные Архиепископы Красноярский Мелхиседек (Паевский), Полотско-Витебский Николай (Покровский), Тамбовский Вассиан (Пятницкий) и Епископ Оренбургский Павел (Введенский). Таким образом состав летней сессии Вр. Патриаршего Свящ. Синода будет следующий: Преосвященные Митрополиты Ташкентский Никандр (Феноменов) и Саратовский Серафим (Александров), Архиепископы Харьковский—Экзарх Украины Константин (Дьяков), Хутынский, управл. Новгородской Епархией Алексей (Симанский), Одесский Анатолий (Грисюк), Ярославский Павел (Борисовский), Красноярский Мелхиседек, Полотско-Витебский Николай, Тамбовский Вассиан и Епископ Оренбургский Павел. Священный Синод не оставит по сему сделать распоряжение“.

ПОСТАНОВИЛИ: По содержанию предложения названных в нем Преосвященных уведомить к исполнению указами, настоящее же постановление напечатать в „Журнале Московской Патриархии“.

Б. О совершении Богослужения на походном Св. Антиминсе.

от 14 мая 1930 г. за № 85.

СЛУШАЛИ: Рапорт Преосвященного следующего содержания: „Иногда, по обстоятельствам времени совершить Великое освящение храма нет возможности, а, между тем, служба необходима“.

ПОСТАНОВИЛИ: „Раз'яснить Преосвященному, что, в случае крайней нужды, по существующей практике, можно совершить малое освящение храма и впрямь до полного его освящения совершать в храме Богослужение и Божественную Литургию на походном Антиминсе“.

В. О „заочном“ отпевании умерших.

от 28 мая 1930 г. за № 99.

СЛУШАЛИ: Доклад Преосвященного в котором спрашивает указаний о „заочном“ отпевании умерших.

ПОСТАНОВИЛИ: Раз'яснить Преосвященному что когда священник имеет основания быть уверенным, что почивший, хотя по каким-либо причинам и не сподобился христианского погребения, но скончался в общении со св. Церковью и, исповедуя себя на смертном одре христианином, желал быть ответым по православному, тогда священник имеет право и обязанность совершать обычное церковное поминовение почившего и даже совершать, по просьбе близких, заочное его отпевание.

Г. О Епископе Синесии.

от 4 июня 1930 г. за № 103.

СЛУШАЛИ: Доклад Преосвященного Ижевского с сообщением о том, что им вполне установлена раздорническая деятельность и факт отхода от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя запрещенного в священнослужении Епископа Синесия (Зарубина).

СПРАВКА 1: Определением Патриархии от 26-го февраля с. г. за № 21 Епископ Синесий, согласно рапорту своему, уволен от управления епархией на покой.

СПРАВКА 2: Определением Патриархии от 9 мая с. г. за № 79, постановлено: Предложить Преосвященному Синесию, бывшему Ижевскому, представить в Патриархию в двухнедельный срок, в объяснение раздорнической его деятельности, ответы на следующие вопросы: 1) считает ли себя Преосвященный состоящим в каноническом общении с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и временным при нем Патриаршим Священным Синодом, признавая их православными, а не обновленцами; 2) выпустил ли и какое воззвание против Преосвященного Заместителя; 3) по какому разрешению служит, по увольнении на покой, в Успенской города Ижевска церкви, со священником Павлом Мезриным и диаконом Гр. Остроумовым, производя своею раздорническою деятельностью соблазн среди духовенства и верующих города Ижевска и епархии. Впрямь до представления Преосвященным Синесием ответов на указанные вопросы, воспретить ему священнослужение; в случае неполучения от него ответов в двухнедельный срок, иметь о нем особое суждение.

СПРАВКА 3: Телеграммой от 19 мая 1930 Епископ Синесий сообщил, что запрещению, наложенному на него Патриархией, он подчинился, однако, о том, что последуют от него дальнейшие объяснения, не упомянул.

ПОСТАНОВИЛИ: В виду того, что Епископ Синесий спрашивавшему его Преосвященному Ижевскому определенно заявил о разрыве общения с Заместителем

лем и в указанный срок объяснения в Патриархию не представил, Епископа Синесия (Зарубина), за нарушение Апост. прав. 34 и 31, Двукр. 13 и 15 и аналогичных, предать суду православных Архиереев, оставив его под запрещением впредь до раскаяния или постановления о нем суда, о чем и послать указы Преосвященному Ижевскому для объявления Епископу Синесию, Ижевскому духовенству и пастве, уведомив указами и прочим Преосвященным.

Д. О списках награждаемых.

от 14 ноября 1930 г. за № 217.

СЛУШАЛИ: Доклад Преосвященного Управ. делами следующего содержания: „При представлении к наградам Епархиальные Преосвященные, по большей части, представляют списки награждаемых в одном экземпляре и за отсылкой подлинника на место Канцелярия не имеет возможности сделать нужную справку о награждении того или другого, когда это требуется. Посему было бы желательно, чтобы означенные списки представлялись в Патриархию в двух экземплярах, о чем и дать им знать циркулярно“.

ПОСТАНОВИЛИ: „Предложить Епархиальным Преосвященным списки представляемых к награждению лиц представлять в Патриархию в двух экземплярах, о чем и дать им знать циркулярно“.

Е.

от 19 ноября 1930 г. за № 224.

СЛУШАЛИ: Прощение протоиерея о том, чтобы, принимая во внимание, что сын его в 1920 году получил лишь церковное бракословение, но супружеской жизнью не жил, так как с самого момента своего браковенчания состоял не супругом, а, так сказать, лишь братом милосердия при своей тяжело больной жене до самой минуты ее смерти, первое благословение не считать препятствием к рукоположению его в священный сан.

ПОСТАНОВИЛИ: Раз'яснить протоиерею что, в виду того, что первый брак сына его имеет всю каноническую силу и, в виду того, что он уже вступил во второй брак, он (сын его) должен быть признан второбрачным и, как таковой, согласно правилам церковным, удостоен рукоположения во священный сан быть не может.

Ж.

от 24 декабря 1930 г. за № 252.

СЛУШАЛИ: Рапорт Преосвященного о том, что раздел 4 преподанных Патриархией указаний касательно духовных лиц, отрекшихся от веры или сана („клирики, виновные лишь в самовольном снятии сана без отречения от него—без похуления... при раскаянии имеют надежду на оставление в сане или звании клириков при соблюдении известных условий“) „вызвал много соблазна и нареканий“, с просьбой пересмотреть этот раздел.

ПОСТАНОВИЛИ: Раз'яснить Преосвященному и чрез него прочим соблазняющимся выше-названными указаниями, что соблазн их проистекает не из того, чтобы наши указания действительно в чем-нибудь нарушали церковное предание или практику Св. Церкви в отношении падших, а из того, что часто забывается основное начало духовной жизни христианина: рассуждение. Без рассуждения молитва, пост, нестяжательность, целомудрие, ревность о Боге и прочие добродетели теряют свою цену и

иногда становятся даже недостатками. Рассуждение является наиболее характерной чертой, отличающей практику Св. Церкви Христовой от практики отделившихся от церкви обществ. Поставив общее положение, что Церковь есть общество святых, сектанты не колебались отсюда сделать вывод, что всякий падший в грех после крещения должен быть отлучен от Церкви. Между тем, Св. наша Церковь, помня образ Пастыря, оставляющего 99 овец для одной заблудшей, никогда не считает для себя трудом входить в рассуждение о каждом отдельном грешнике и, если найдет справедливым,—делать для него из'ятие из общего правила. Поэтому-то церковная действительность и представляет такую, на беглый взгляд, странную картину почти постоянной несогласованности церковной практики с общепризнанными церковными принципами и правилами. В частности, за отречение от сана (пр. 62 Свв. Апп.) и за его оставление для занятых гражданских (IV Вс., 7) полагается отлучение от Церкви с потерей сана навсегда. Однако, на практике наша Церковь давно допускает снятие сана по прошению, причем, если просивший раскается (хотя бы это было уже после срока для увещаний и даже после Синодального постановления, но до объявления указа просителю), то сан ему оставляется с правом священнослужения. Наш же Поместный Собор 1917—18 гг. идет еще далее: подтверждая „безпрепятственное сложение сана“ со вдовых священнослужителей, не могущих понести одиночества, Собор предоставляет им даже „право занятия должностей нисших клириков“ (Определ. 19 июля—1 авг. 1918 г.). Очевидно, Церковь наша находит, что не всякий отказ от сана можно подвести под отречение от него или под оставление его ради житейских выгод или карьеры, и потому признает справедливым для отказов такого рода делать из'ятие из приведенных правил, хотя некоторым ревнителям это и может показаться неприемлемым. Наш IV раздел стоит в полном согласии с этой практикой Церкви. Прежде всего, он устанавливает ту бесспорную истину, что не всякое сложение сана можно квалифицировать, как отречение от сана или оставление его из-за житейских выгод. Иной слагает сан потому, что он не имел веры в Бога или в святость своего служения, смотрел на него просто, как на доходную статью. При таком сложении можно только сказать, что Небесный Хозяин свое гумно очищает. А другой слагает сан, отчаявшись в возможности нести его тяготу при данных условиях. Один делает это после всестороннего обсуждения, взвесив все; а другой захвачен неожиданностью и не сумел хорошенько разобраться в сложившихся обстоятельствах. Один повинен в неуважении к святости сана, а другой разве в недостатке бдительности над собою или терпит последствия самонадеянности. Было бы крайней несправедливостью, противоречило бы всем преданиям церковной дисциплины и духу ее ставить всех указанных лиц на одну доску и подводить под одно наказание. Не даром же Господь провел Своего Первоверховного Апостола чрез три отречения и, все-таки, счел его достойным, чтобы именно он, а не другой кто, „некогда обратившись, утвердил братию“ (Лк. 22, 32).

Правда, церковная практика знает снятие сана по прошению, а здесь самовольное сложение, и эта самовольность является, несомненно, отягчающим обстоятельством. Но, опять-таки, степени виновности и здесь могут быть различны: кто делает это вполне сознательно, не желая больше иметь никакого дела с церковной властью,—кто—по канонической безгра-

мотности, а кто—и по растерянности, в какую его ввергает такой шаг.

Главное же, наш IV раздел, указывая на возможность делать снисхождение тем, кто, по убеждению Архиерея, заслуживает снисхождения, отнюдь не связывает совести Архиерея и не заставляет его считать не отрекшимся того, кто, по его внутреннему убеждению, оказывается отрекшимся (хотя бы формально его отречение и не было доказано с несомненностью). Раздел хочет лишь напомнить, чтобы Архиерей не относился к этому ответственному делу механически, не мыслил себя прокурором, дело которого лишь по-

дыскать статью и назначить наказание, а сознавал себя беспристрастным и независимым ни от кого судьей, одинаково свободным и наказывать виновного, и отпустить невинного, следуя голосу своей совести и не оглядываясь на мнение других, хотя бы они и называли себя ревнителями церковных правил. Вместе со св. Иоанном Постником, творцом и ныне действующего (хотя и в переработанном виде) „Правильника“,—мы, православные Архиереи, должны иметь смелость сказать, что предпочитаем быть наказанными за милость, нежели увенчанными за строгость.

Отношение Церкви к отделившимся обществам.

(Окончание *).

Совсем не то о пепузианах: здесь не может быть вопроса, в виду совершенно определенных церковных правил. Далее идет изложение известной уже нам классификации инославия по трем категориям: 1, еретики, „совершенно отторгшиеся и в самой вере отчуждившиеся“; „посему“ (а не просто по усмотрению пользы) „от начала бывшим отцам (т. е. церковному преданию) угодно было крещение еретиков совсем отменить“; 2, раскольники, отделившиеся от Церкви из-за вопросов более или менее несущественных („допускающих уврачевание“); крещение их, „яко еще не чуждых церкви“, угодно было „примати“; и, наконец, 3, самочинное соборище-раскольники в нашем современном смысле, отделяющиеся по личным и дисциплинарным вопросам; эти приемлются третьим чином, как, очевидно, еще более близкие к Церкви, чем раскольники. Из этого изложения, во-первых, с несомненностью видно, что инославные общества распределяются по трем классам соответственно своим природным свойствам, а не в силу каких-либо случайных соображений пользы или вреда. Крещение еретиков не принимается просто потому, что не может быть по самой природе вещей принято: „Ибо здесь есть явная разность в самой вере в Бога“. Во-вторых, заслуживает величайшего внимания мысль Св. Василия, что природным признаком, по которому инославные общества классифицируются, является степень их отчужденности по своей природе от Церкви. Еретики, как „в самой вере отчуждившиеся“, не имеют уже ничего общего с Церковью, называются „совершенно отторгшимися“ и таинства их не принимаются. Раскольники—„еще не чужды церкви“, а точно с греческого даже: „еще принадлежат церкви“ значит, они еще не совершенно отторглись от нее, какая-то связь с церковью у них уцелела: поэтому их крещение принимается. А самочинное соборище даже менее чуждо церкви, чем раскольники, и следовательно, еще более оснований принять не только их крещение, но и миропомазание. Таким образом, за оградой Церкви как будто не сразу начинается полный мрак; между Церковью и еретическими обществами находится как бы полу-тьень, которая в свою очередь распадается на раскольников и самочинников. Эти два разряда нельзя назвать в строгом смысле ни совершенно чуждыми церкви, ни окончательно отторгшимися от нее. Здесь чрезвычайно важно то, что Св. Василий высказывает только что изложенную мысль не в качестве своего частного мнения или догадки, а утверждает, что так мыслили „древние“, „от начала бывшие отцы“, которые на этом

основании и „положили примати крещение“ раскольников. Значит, это есть изначальное учение церкви, проливающее (скажем от себя) совершенно особый свет на наш вопрос о кажущемся противоречии между верою во едину Церковь и верою во едино крещение во оставление грехов.

Наконец, и самый термин „примати крещение“, употребляемый Св. Василием, плохо мирится с догадкой, будто здесь дело идет лишь о кажущемся только принятии, будто, на самом деле считая приходящего некрещенным, Церковь из некоторого приличия не повторяет таинства, а преподает его тихонько от присоединяемого под видом миропомазания. Этот термин, в особенности в данном контексте, рядом с такими замечаниями, как „еще принадлежащих к Церкви“ или по славянски: „яко еще не чуждых Церкви“, и под., может означать у Св. Василия только искреннее принятие „древними“ крещения раскольников, как „ни в чем не отступающего от веры“ и потому имеющего действительную силу. По крайней мере, Аристин, толкуя данное место, прямо говорит, что раскольники „должны быть принимаемы как крещенные“, т. е. имеющие не форму только, но и действительное крещение, „и только помазуются св. миром“.

VI. Установив общее положение или закон, которым повелевает Церковь руководиться при суждении об инославных обществах, Св. Василий В. переходит к суждению в частности о каждом из обществ, упомянутых Амфилохием. Будем при этом помнить, что мы имеем дело с документом каноническим или юридическим; что св. отец здесь рассуждает, как юрист или как судья, устанавливающий сначала деяние подсудимого и оценивающий его с точки зрения действующего закона; что одним словом, мы непременно здесь встретимся с приемами и понятиями судебными, юридическими.

„Пепузиане явно суть еретики“, подлежащие осуждению или за боготворение человека или за хулу на Св. Духа; и потому „не суть крещени“, как „крестившиеся в то, что нам не предано“. Как некрещенных, их нельзя не крестить при приеме, хотя „великий Дионисий и не приметил сего“. По природе своей это общество таково, что его нельзя не отнести к первой из групп, установленных в законе.

„Кафары суть из числа раскольников“. Это есть суждение о кафарах тоже на основании вышеизложенного общецерковного закона (Вероятно, там они

*) Начало ст. смотри Жур. Моск. Патр. № 2 и 3.

и разумеются, когда говорится: „О покаянии мыслити инако, нежели как сущие в церкви, есть раскол“). Это есть и ответ Амфилохию на вопрос, как принимать кафаров: если они, по своим свойствам, раскольники, то их и нужно принимать так, как установлено законом для группы раскольников, т. е. только чрез миропомазание, как уже крещенных. Однако, как при произнесении своего законного приговора о пепузианах, Св. Василий должен был устранить противоположное, неправильное мнение (Дионисия), так и здесь. „Однако угодно было древним“, — фраза тожественная с употребленной в начале правила („угодно было от начала бывшим отцам“, „древние положили“). Там она означала исконное предание церкви или издавна установленный церковный закон; здесь же св. отец называет этих „древних“ по именам: „как-то Киприану и нашему Фирмилиану“, буквально же с греческого: „бывшим около (державшимся) Киприана и нашего Фирмилиана“, т. е. их последователям. Значит, здесь речь идет о существовавшем в древности, в прежние времена мнению некоторых отцов или, точнее, прежней практике некоторых церквей, отличной от установленной теперь в законе. „Ибо хотя начало отступления произошло чрез раскол...“ и пр., как было приведено нами в начале нашей V главы при изложении мнения строгих церковников. Контекст ясно дает понять, что это не есть ни собственное мнение Св. Василия, ни выраженное им общепринятое учение церкви, а лишь мотивировка к мнению Киприана и Фирмилиана, которое Св. Василий протизопоставляет только что выясненному им закону о кафарах. Но почему это мнение здесь не опровергается, как опровергалось в вопросе о пепузианах мнение Дионисия? Да просто потому, что речь идет о мнении, после Первого Вселенского Собора уже отжившем и неуместном в православной практике. Вероятно, оно и упоминается только потому, что о нем упоминал Амфилохий. Св. Василий пишет не догматический триктат, где всякое мнение нужно бы разбирать по существу, а пишет ответ на вопрос канонический. Для него, как в данном случае юриста или судьи, вполне достаточно установить, что мнение это протизоречит действующему закону и, значит, не имеет никакой обязывающей силы. Поэтому, не разбирая этого мнения по существу, тем паче не задаваясь и вопросом, что лучше: мнение или закон? (для судьи вопрос даже неуместный), Св. Василий ограничивается одним повторением ссылки на установленный закон: „Но поелику“ и пр. Не лишне здесь вспомнить и сказанное нами о рамках, в которых допускалось колебание церковной практики. Дионисий принимал без крещения пепузиан, которые по природе не могли признаваться крещенными; а Киприан и согласные с ним, наоборот, требовали крещения для тех, крещение которых по закону должно признаваться. В первом случае церковный суд выходил за рамки своих полномочий и хотел наделить пепузиан тем, что они могли получить только чрез церковное таинство. Во втором же случае произносился приговор, может быть, слишком строгий, не отвечающий степени „отчужденности“ кафаров от церкви, но с формальной стороны законный: определив вину секты, суд имел полномочие наложить на нее то или другое ограничение в правах, даже ей действительно принадлежащих.

„Но поелику некоторым в Азии решительно угодно было, ради назидания многих, прияти крещение их; то да будет оно приемлемо“. Нельзя (вместе с защитниками строгого мнения) понимать этих слов в том

смысле, будто Св. Василий, высказав свое убеждение или даже общецерковное учение по существу дела, теперь вдруг поступает истиной ради принятого обычая. Это лишь повторяется ссылка на закон, чтобы показать, необязательность изложенного мнения. „Некоторые в Азии“ упоминаются здесь, тогда как раньше закон назывался изволением „изначала бывших отцев“, вероятно, потому, что они решительно отстаивали свою практику против Киприановой и Вселенский Собор стал на их сторону. И так: по действующему закону кафары из раскольников. Правда, Киприан и Фирмилиан со своими последователями кафаров, как и всех отпадших от Церкви, перекрещивали. Но для нас обязателен закон. Решительно недопустимо думать, будто здесь Св. Василий ведет речь о безграничной свободе церковного усмотрения относительно чиноприема инославных: будто бы Церковь признавая всех одинаково некрещенными, может по своему произволу, ради пользы своей, любого из этих некрещенных назвать крещенным и принять без крещения и даже без миропомазания. Выражение: „угодно было“ (едоксе) отнюдь не означает произвола в усмотрении. Достаточно снести это место с Деян 15, 28: „Изволися (едоксе) Святому Духу и нам“, чтобы видеть, что слово это означает изволение или решение принятое по всестороннем обсуждении дела. Вероятнее же всего, Св. Василий здесь прямо цитирует данное место Деяний, чтобы таким фигуральным оборотом, вполне понятным Амфилохию, заменить простую фразу: „постановлено Собором“. Отсюда конец рассуждений: „Да будет оно приемлемо“, выражает не безразличие к существу дела, а лишь подчинение частного мнения авторитету собора Церкви, как непреложному свидетелю истины и последней судебной инстанции.

Точно также и выражение: „ради назидания многих“ не имеет здесь того поверхностного и пожалуй, сентиментального смысла (в роде: „По нужде и пременение закона бывает“), какой хотят ему навязать. Недостаток строгого мнения, отрицавшего без исключения все внецерковное, заключался в том, что, вращаясь в области принципов, оно опускало из виду действительность и потому из совершенно верных посылок и путем строгого логического оно приходило к выводу неверному и крайне несправедливому по своей жестокости, а потому и практически вредному для Церкви, („могущему быть препятствием общему благосозиданию“). Тогда как Церковь, принимая большую посылку, что вне Церкви нет благодати, и малую посылку, что инославные отпали от Церкви, прежде чем сделать отсюда вывод, находит обязательным для себя войти в особое рассмотрение виновности каждого из подсудимых и приходит к выводу, что действительная жизнь, как и всегда, вносит и здесь поправки к отвлеченному принципу. Отпали все, но есть степени отпадения. Некоторые отпали потому, что утратили все церковное: исказили и веру и Троидного Бога, и Господне повеление. Крещение таких еретиков можно назвать только простым омовением и даже осквернением (поскольку в их учении есть хула на Св. Духа). Поэтому значит, не только правда, но и милосердие требуют, чтобы этим мертвым духовно преподана была жизнь в таинстве крещения. Другие отделились от Церкви по некоторым вопросам, но все, что делает человека христианином: веру в Троидного Бога и Господне повеление о крещении свято соблюдают. Если они и отпали, то не совсем, какая-то связь с Церковью у них осталась, а вместе со связью осталась какая-то (может быть, невидимая и даже непо-

нятная для нас) возможность пользоваться и богатным жизненным соком, напаяющим Церковь. Но в таком случае Церковь не исполнила бы своего призвания—служить спасению по возможности всех людей,—если бы пренебрегла хотя бы самыми ничтожными отпрысками жизни. Именно с точки зрения „назидания многих“ (οἰκονομίασ πολλοῖν) дорога каждая искра жизни, потому что она таит в себе возможность скорейшего воссоединения с Лозой, чем это доступно совсем засохшему отростку. Исходя из этих показаний действительности, Церковь и произносит свой приговор о раскольниках и самочинниках. Конечно, формально она имеет полное право всякого преступника, тем паче отступника лишить всех благодатных прав и даров, которыми он пользовался в недрах Церкви, и, таким образом, приравнять отступника к язычникам. Но обычно этим формальным своим правом Церковь не пользуется. Обычно она признает раскольников и самочинников виновными только в том, в чем они действительно виновны: в искажении некоторых второстепенных вопросов веры или в нарушении церковного чина и единства, одним словом в том, что само по себе еще не делает таких отщепенцев язычниками, некрещенными. Поэтому, удерживая свой карающий меч, Церковь принимает раскольников и самочинников обычно вторым и третьим чином, и только какое-нибудь отягчающее обстоятельство (напр., особая жесточность секты или особая опасность ее для Церкви) вынуждает церковный суд наложить на ту или другую секту более строгое взыскание (причем не исключается возможность смягчения приговора в будущем, при изменившихся обстоятельствах). Конечно, обычный приговор Церкви о раскольниках и самочинниках является более мягким, чем карфагенский, но он и более справедлив (потому что основан на установленных разсудованием действительных размерах виновности подсудимого), а в тоже время и более дальновиден, и более целесообразен в смысле „назидания многих“, одним словом, приговор этот более отвечает и человеколюбию, и мудрости, и истинности Церкви, как продолжательницы дела Христова на земле. Не трудно видеть, что основной принцип здесь не отрицается: Церковь остается единственной сокровищницей благодатных даров; здесь только не забывается сторона приложения этого принципа к действительной жизни, часто опускаемая из виду прямолинейной логикой.

VII. Отдел правила, где Св. Василий разсматривает „злоупотребление енкратитов“, приводится, как особо ясно доказательство того, что св. отец не видел в церковной практике ничего объективно устойчивого: всех следовало бы в сущности перекрестить, но „аще сие имеет быти препятствием общему благосозиданию“ (οἰκονομία), то можно оставить и без крещения. В действительности же отдел об енкратитах, как и все правило, всецело стоит на почве основного церковного закона о трех категориях инославия, как „угодно было от начала бывшим отцам“.

Прежде всего заметим, что св. Василий сначала высказывает об енкратитах свое личное мнение („мню“), „поелику о них ничего ясно не изречено“. Очевидно, здесь подразумевается не отсутствие общего церковного закона о приеме инославных (этот закон, как мы видели, подробно изложен выше); здесь может быть речь только о постановлении, касающемся специально енкратитов, подобно тому, как было специальное соборное постановление о кафарах (если только не говорить здесь св. Василий просто об отсутствии у него вполне установленных сведений об этой

секте). В таком случае вопрос который теперь ставит себе св. Василий, был не в том, чтобы, так сказать, вновь изобрести порядок приема енкратитов, а гораздо уже: в том, к какой из установленных правил категорий отнести енкратитов и соответственно этому определить и порядок приема.

Личное мнение Св. Василия таково, „яко прилично нам отвергати их крещение и... от них „приходящего к Церкви крестити“. Однако, так нужно не потому, что всех вообще инославных следовало бы перекрестивать. Св. Василий в своих разсуждениях отнюдь не исходит из немного выше высказанного им толкования к практике Киприана и Фирмилиана, Наоборот, перекрестивание енкратитов он хочет обосновать специальными доводами, взятыми из природных качеств этой секты: „Они умыслили предускоряя совершати собственное крещение“, чтобы сделать себя „неудобовосприемлемыми для Церкви“. Другими словами, они внесли в свое крещение что-то такое, что даст повод подозревать их в искажении Господня повеления. А это искажение и есть именно тот признак, по которому инославное общество относится к разряду принимаемых чрез первый чиноприем (чрезкрещение). Ясно, что мысли св. отца продолжает руководить общецерковное правило о трех чиноприемах, и ничто иное.

Высказав свое личное мнение о перекрестивании енкратитов, св. Василий, боясь „воспятити спасаемых строгостью отлагательства“, потом от этого мнения отказывается и советует „держатися обычая и следовати отцем, благоусмотрительно устроившим наши дела“. Опять таки „обычай“, установленный „отцами“, может здесь означать только упомянутое выше общецерковное правило (кстати, и благосозидание в этом месте называется „общим“, по гречески: „τι κοινου οἰκονομία“, как бы общепринятый обычай или правило устройства дел). Понятно, что, высказав и довольно неуверенно свое личное мнение, к какому бы разряду он полагал отнести енкратитов, св. отец с готовностью подчиняет это мнение правилам церкви, где точно указаны признаки каждого из разрядов. Св. Василий помнит, что неумеренная строгость карфагенян, действительно, препятствовавшая спасению многих, уже осуждена Собором в пользу более „благоусмотрительного устройства“.

Если бы Св. Василий считал единственным законом в отношении инославных церковную пользу, он не сказал бы дальнейшего: если енкратиты принимают наше крещение, то это не может определить наших отношений к ним; мы в данном деле обязаны руководиться не чувством благодарности к ним, „но покаряться правилам с точностью“ (покаряться акривии канон). А так как речь идет о правилах чиноприема, то и „акривия“, очевидно, в том, какие природные качества определяют отнесение данного общества к тому или другому разряду (вопреки личному усмотрению).

Настойчиво („всемерно“) признав необходимым для енкратитов миропознание, Св. Василий неожиданно как бы вспоминает о принятии епископов Зоина и Саторнина в сущем сане и заключает (весьма характерное выражение): что теперь мы „уже не можем строгим судом отчуждати енкратитов от Церкви“. Это прямая цитата из изложенного в начале правила: „яко еще не чуждых церкви“. Притом, здесь Св. Василий делает еще более знаменательный комментарий к слову „чуждые“. Принятием Зоина и Саторнина постановлено „как бы некое правило общения с ними“

(енкратитами). Выше мы говорили, что название раскольников „не чуждыми“ Церкви предполагает какую-то связь с Церковью, делающую возможным сохранение у них некоторых таинств. Здесь же Св. Василий эту связь прямо называет „некоторым правилом общения“. Общение обязывает признавать таинства друг друга; здесь же лишь „как бы некоторое правило общения“; потому что общение здесь неполное и признание касается только некоторых таинств.

Каким образом, однако, единичный факт принятия епископов оказался обязательным для Св. Василия? Дионисий, как мы видели признавал крещение пепузиан, Василий же, доказав неправильность такой практики, утверждал, что „нам не должно соблюдать подражания неправильному“. Очевидно, прием Зоина и Саторнина не был произвольным поступком какого либо епископа, а был совершен по постановлению какого-нибудь собора, который, расследовав природные свойства секты енкратитов нашел возможным отнести Зоина и Саторнина к третьему чину. В судебном же деле всякое утвержденное высшей инстанцией определение суда, хотя бы касающееся частного случая, становится законом для всех аналогичных случаев. Нет нужды искать решения вопроса, к какой категории отнести енкратитов: в лице Зоина и Саторнина они уже отнесены церковным судом к третьей. Таким образом, сказанное о Зоине и Саторнине, отнюдь нельзя толковать так, что будто бы Св. Василий закрывает как бы глаза на совершившийся факт нарушения правил, боясь поднятием вопроса произвести смущение. Он здесь опять-таки вполне сознательно и с своей точки зрения последовательно подчиняет свой домысл действующему закону. Для юриста, пишущего по юридическому вопросу, такой способ решения вполне естественный.

VIII. Произведенный анализ I правила св. Василия В., дает видеть, что в основе распределения инославных обществ по трем чинам лежит степень отчужденности их от Церкви, зависящая в свою очередь от степени искажения ими церковного учения и порядка. Совершенно отчуждившихся Церковь считает нехристианами и при приеме перекрещивает. С отчуждившимися же совсем Церковь сохраняет какую то связь, имеет „как бы некоторое правило общения“, признавая действительными некоторые из их таинств. Конечно, Св. Василий говорит об этом скорее намеками и аналогиями, чем точными терминами. Его I правило не дает отчетливо, понять, каким путем продолжают в некоторой степени оставаться в Церкви общества, решительно от нее отделившиеся, как может не порваться преемство благодати при фактическом разрыве. Св. Василий не нашел нужным подробно объяснить, как и в чем раскольники остаются „не чуждыми церкви“. Вероятно, и для самого св. отца и для его предполагаемых читателей это не требовало объяснений, как общепринятое и всем понятное. Как бы то ни было, нельзя думать, чтобы дело шло о сохранении расколниками лишь внешности церковной; потому что эта внешность сама по себе не делает их таинства таинствами и не может обязывать Церковь „поставить как бы некоторое правило общения с ними“. Есть нечто большее, что было усмотрено соборным разумом Церкви и дало возможность, рядом с исповеданием веры во едину спасающую Церковь, безбоязненно поставить веру и в едино крещение, согласное с Господнем повелением, хотя бы это крещение совершалось и вне Церкви.

Мысль о неполной отторженности раскольников от церкви как будто противоречит всей церковной

практике по отношению к ним. По церковным правилам, запрещается иметь молитвенное общение не только с еретиками в собственном смысле (о которых говорится в I правиле Св. Василия В.) но и с еретиками (отщепенцами) вообще. У них не может быть и мучеников, не может быть и никаких святых. Может ли быть речь о существовании у них каких либо таинств?

Прежде всего нужно иметь в виду, что внешняя строгость или суровость отношений в церковной практике отнюдь не непременно означает окончательный разрыв с грешником, скорее наоборот. Напр., Ап. Павел заповедал Коринфянам не иметь общения с блудниками, лихоимцами, идолослужителями и пр., но не с внецерковными, а „если кто, называясь братом (т. е. христианин, церковник) окажется блудником и пр.; „с таковым ниже ясти“ (I Кор. 5, 9—13). Если к раскольникам применяются известные нарочитые меры отчуждения, то это скорее говорит за то, что их Церковь велит считать всетаки еще братьями, церковниками, только согрешившими и потому нуждающимися в мерах исправления.

Далее, необходимо помнить, что, рассуждая об отношении Церкви к инославию, мы обращаемся в области не догматики в собственном смысле, а в области церковного суда или дисциплины. Здесь дело идет не об установлении известных отвлеченных принципов и об отношениях между ними, а о применении таких принципов к конкретным явлениям, притом к живым личностям. Догматическая логика здесь по необходимости должна делать известные уступки конкретной действительности: степени виновности, неисправимости, и пр., и пр. Живым примером такого переломления принципов в атмосфере жизни может служить покаянная дисциплина Православной Церкви.

Строго говоря, никакой убийца, ни прелюбодей, ни лихоимец не имеет наследия в царстве Христа и Бога (Еф. 5, 5). Наша логика не затруднится отсюда сделать вывод, что все согрешившие после крещения должны быть отлучены совсем от церкви, как мертвые уже члены. Так действительно и учили некоторые секты, презревшие церковный разум. Церковь же, наоборот, самое свое призвание видит в том, чтобы возвратить к полной жизни малейшую ее искорку, какая может сохраниться в человеке. Поэтому, для грешников Церковь установила почти такую же лестницу, о какой говорится в I правиле В. Великого. Только самых нераскаянных грешников она совершенно от себя отлучает, лишает не только общения во св. причастии, но и христианского погребения по смерти. Прочие грешники отлучены только от св. причастия до времени. При этом одним из них, не совершившим каких либо тяжких грехов, т. е. просто людям мира сего разрешается приступить к причащению после обычной исповеди у духовника. Другие же должны исполнить епитимию, иногда очень многолетнюю, чтобы доказать свое раскаяние и желание исправиться. Как считать отлученного от св. причастия? Юридически он еще в Церкви, а фактически он вне ее, потому что не пользуется главным, для чего нужно быть в Церкви: не имеет общения со Христом в таинстве причащения.

Конечно, полной аналогии между дисциплиной покаянной и судом над инославными обществами не может быть. Покаянная дисциплина уже потому, что имеет приложение к каждой личности в отдельности, и изменчива, и разнообразна до бесконечности. Существующие правила для епитимий суть лишь прин-

ципиальные указания, которые требуют величайшего разсуждения при приложении их к каждому частному случаю. Дисциплина же в отношении целых обществ уже по этому самому не может не требовать более устойчивых правил, приложимых ко всему данному обществу. Да и общество это в вопросах, разделяющих его с Церковью, объединяет всех своих членов в одно целое. При всем том, и суд над целыми обществами, ведь, есть тот же суд церковный над грешниками, и, следовательно, в основе его лежит тоже начало, тот же „чудный Спасов нас ради человеколюбивый нрав“, который не допускает и льна курящегося угасить, и трости надломленной сокрушить, который бережет в грешнике малейшие признаки жизни, в надежде, что при благоприятных условиях, при благоприятном обороте обстановки эти начатки или, точнее, остатки жизни разовьются и, таким образом, приведут человека к полному возрождению. Можно, поэтому, думать, что отлучая от своего общения, т. е. от участия в евхаристии прежде всего и от общения в жизни вообще, всех, кто выходит из Богопреданного чина Церкви в учении, или дисциплине, Церковь только еретиков в собственном смысле совершенно и всегда отчуждает от себя (они, впрочем, и сами уже сделали себя вполне чуждыми ей). Раскольникам, как отделяющимся „из-за вопросов, допускающих уврачевание“, Церковь оставляет почву для такого „уврачевания“—крещение в качестве еще церковного таинства. Самочинникам же, в надежде на то же уврачевание, оставляет и хиротонию, и миропомазание. Как в частной дисциплине грешник после таинства покаяния становится полноправным членом Церкви, сохраняя прежде полученное им от Церкви крещение и пр., так и здесь: принимая от Церкви то, что ему не достает (кто—миропомазание, кто—разрешение грехов в исповеди), обращающийся сохраняет на себе все те действительные таинства, какие могло ему дать его инославное общество, т. е., сама же Церковь, но не непосредственно, а чрез это общество, еще не совершенно отчужденное Ею.

Мне могут поставить вопрос: если раскольники и самочинники должны признаваться „еще церковниками“ (ек тис екллисиас) или „еще не чуждыми Церкви“, если у них могут быть действительные

таинства; то не могут ли они для своего спасения обойтись и без видимого присоединения к Православной Церкви? Ответ тот же, что и в частной дисциплине. Пусть у инославных² будут некоторые таинства; пусть они имеют право на имя христиан, с вытекающими отсюда последствиями; пусть они остаются в ограде церковной или даже на паперти; но в церковной евхаристии инославные не участвуют. Господь же сказал: „Аще не съесте плоти Сына Человеческого, ни пиете Крови Его, живота не имате в себе“ (Иоан. 6, 53). Правда, и инославные совершают у себя евхаристию. Но ни мы не можем участвовать в их евхаристии, ни они в нашей. А евхаристия и есть именно единение причащающихся со Христом и во Христе между собою. Значит, если мы с ними в евхаристии разделяемся, которая ни будь из сторон совершает евхаристию не истинную. Двух, не сообщающихся между собою евхаристий, одинаково Христовых и одинаково истинных, быть не может, как не может быть двух Христов и двух Церквей.

Таким образом, несогласованность и даже противоречие между учением о единой спасающей Церкви и признанием действительности крещения (и др. таинств) в некоторых инославных обществах получается лишь тогда, когда мы, подобно сектантам, будем руководиться человеческим домыслом. Для предания же церковного такого противоречия нет. Как „исполнение“ Христа, Церковь, несомненно сознает себя единственным на земле источником благодати для людей и посему, вместе с св. Киприаном, говорит: „Кто вне епископа (самочинники), тот вне Церкви. Кому Церковь не мать (раскольники), тому Бог не Отец“. В силу данной ей власти вязать и решить, Церковь имеет право всякого непокаяющегося ей совершенно отлучить и тем лишит надежды вечного спасения. Однако, опять-таки, как продолжательница дела Христова, Церковь выносит такой приговор лишь там, где нет уже никакой надежды на „уврачевание“. Обычно же она, отлучая раскольников и самочинников от общения в молитвах и евхаристии, „некоторое правило общения“ с ними всетаки сохраняет, что и дает возможность совершаться в этих обществах действительным таинствам.

Православный календарь на 1931 год.

ИЮЛЬ (31 день)

Чис.	Дни		Чис.	Дни	
1	с.	Мч.: Леонтия, Ипатия и Феодула. Ик. БМ Боголюбский.	17	п.	Св. Андрея архиеп. Критск., смч. Феодора еписк. Киренейск., мч. Феодота и Феодотии, прп. Марфы. Обрет. мощей прп. Евфимия Суздальского, св. блг. кн. Андрея Боголюбского. Ик. БМ Галадской.
2	ч.	Св. ап. Иуды, мч. Зосимы, прп. Паисия и Иоанна, прп. Варлаама Зажск. или Шенкурск. (Пинежск.).	18	с.	Прп. Афанасия Афонск. и Лампада. Обрет. мощ. прп. Сергия Радонежск. Мч. Анны и Кирилла. Утр.: Ев. Мф. XI, 27—30. Лит.: Ап. Гал. V, 22—26, VI, 1—2. Лк. VI, 17—23.
3	п.	Смч. Мефодия еп. Патарск., мч.: Аристоклия пресв., Димитриана диак., Афанасия, Инны, Пины и Риммы, св. Левкия еп., свят. Гурия арх. Казанск., блг. кн. Глеба Андреевича сына кн. Андрея Боголюбск. Ик. БМ Косинской и Шуйской.	19	в.	Неделя 7-я по Пятидесятнице. Гл. 6-й. Прп. Сисоя, мч.: Лукии девы, Рикса и дружиня их, Контта, Псавра, Иннокентия, Филикса, Ермия, Василия, Перегринна, Руфа, Руфина, Марина, Марфы, Авдифакса, Аввакума, Кирина, Валентина, Астерия. Обрет. мощей св. девы Иулианы княжны Ольшевской. Утр. Ев. Ин. 20, 1—10. Лит. Ап. Рим. 15, 1—7; Ев. Мф. 9, 27—35. Седмица 8-я.
4	с.	Мч. Иулиана Тарсийск., смч. Терентия еп. Инокийск., прп. Иулия и Иулиана, Луарсаба II и двух слуг его (груз.).	20	п.	Прп.: Фомы, Акакия, преставл. Евдокии во инокинях Евфросинии княгини Моск., пмч. Еликета пресвитера и Астиона, мч.: Кирикия, Перегринна, Лукиана, Помпия, Исихия, Папия, Саторнина, Германа и Евангела. Ик. БМ Влахернской.
5	в.	Неделя 5-я по Пятидесятнице. Гл. 4-й. Смч. Евсевия еп. Самосатск., мч.: Галактиона, Иулиании, Зинона и Зины. Утр. Ев. Лук. 24, 12—35; Лит. Ап. Рим. 10, 1—10. Ев. Мф. 8, 28—9, 1. Седмица 6-ая.	21	в.	Вмч. Прокопия и Прокопия юрод. Устюжск. Ик. БМ Казанский. Св. првд. Прокопия Усыянского. Утр. Ев. Лк. I, 39—49, 56. Лит.: Ап. Флп. II, 5—11. Ев. Лк. X, 38—42, XI, 27—28.
6	п.	Мчц.: Агриппины, Евстохия, Гаия и Урвана, престав. св. првд. Артемия Веркольск. Ик. БМ Владимирский, Св. Германа, арх. Казанского. Ик. БМ Заоникиевский.	22	с.	Смч. Панкратия еп. Тавром., Кирилла еп. Гортин., св. Феодора еп. Едесс., пмч. Патермуфия и Коприя, мч. Александра, прп. Патермуфия и Коприя. Ик. БМ Колочской и Кипрской.
7	в.	Рождество Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Мч.: Орентия Фарнакия, Ероса, Фирмоса, Фирмина, Кириака и Лонгина, прп. Антония Дымского, св. прав. отрк. Иакова и Иоанна Менюжских.	23	ч.	Мч.: Леонтия, Маврикия, Даниила, Антония, Александра, Ианикита, Сисиния, Менеи, Вирилада, Вianора, Силуана и Аполлония. Празднов. полож. честныя ризы Господа нашего И. Христа. Прп. Антония Печерск. Ик. БМ Коневский.
8	с.	Пмчц. Февронии девы, блгв. кн. Петра в монашестве Давида и кн. Февронии в монахинях Евфросинии Муромских чудотворцев.	24	п.	Мч. Евфимия и Киндея. Преставл. Ольги, кн. Росийский, в крещ. Елены. Ик. БМ Ржевский, Окавецкой и Шуйской.
9	ч.	Прп. Давида, Иоанна еписк. Готфского, св. Дионисия архиеп. Суздальск. Ик. БМ Тихвинский. Прп. Тихона Луховского.	25	с.	Мч.: Прокла, Илария, Голиндухи, Нареч. Марии, Феодора и Иоанна, прп. Михаила Малеина, прп.: Арсения Нов., Симеона Воломск., прп. Иоанна и Гавриила святгорцев (груз.). Ик. БМ Троиручицы.
10	п.	Прп. Сампсона, св. Севира пресвитера, прп. Георгия святгорца Афонского (груз.). Пр. Серапиона Кожев.	26	в.	Неделя 8-я по Пятидесятнице. Свв. отцев 6-ти всел. соб. Гл. 7-й. Собор св. арх. Гавриила, прп. Стефана Савваита, мч. Серапиона и Маркиана, св. Улиана, еп. Кеноманийского. Ик. БМ Достойно есть. Утр. Ев. Ин. 20, 11—18; Лит. Ап. I Кор. 1, 10—18; Евр. 13, 7—16; Ев. Мф. 14, 14—22; Ин. 17, 1—13. Седмица 9-я.
11	с.	Перенесение мощей свв. бессреб. и чуд. Кира и Иоанна, прп.: Павла, Сергия и Германа Валаамских чудотв., прп. Ксенофонта Робейского. Ик. БМ Троиручицы.	27	п.	Св. ап. Акилы, прп.: Еллия, Онисима и Стефана Махрицкого, мч. Иуста.
12	в.	Неделя 6-я по Пятидесятнице. Гл. 5-й. Св. Апостолов Петра и Павла. Прп. Никандра Псковского. Пр. Петра цар. Ордынского. Ик. БМ Тотемской. Обретение мощей пр. Никандра Псковского. Утр. Ев. Лук. 24, 35—53; Лит. Ап. Рим. 12, 6—14; 2 Кор. 11, 21—12, 9; Ев. Мф. 9, 1—8; 16, 13—19. Седмица 7-я.	28	в.	Мм.: Кирика, Иудитты и Авдима, св. равноап. вел. кн. Владимира в крещ. Василия.
13	п.	Собор двенадцати апостолов: Петра, Андрея, Иакова, Зеведеева, Иоанна, Филиппа, Варфоломея, Фомы, Матфея, Иакова Алфеева, Иуды Иаковлева, Симона, Матфия, прп. Петра царевича Ордынского Ростовск. чудотв.	29	с.	Смч. Афиногена, мч.: Павла, Алевтины, Хионии, Антиоха, и Иулии девы. Память св. отц. 6-ти всел. соб. Ик. БМ Псковский.
14	в.	Мч. бессреб. Космы и Дамиана. Пр. Петра, мч. Потита.	30	ч.	Вмч. Марины (Маргариты). Перенес. мощей прп. Лазаря. Прп. Иринарха игум. Соловецкого. Ик. БМ Святогорской. Одигитрии.
15	с.	Полож. честныя ризы Пр. Богородицы во Влахерне, св. Ювеналия патр. Иерусал., прест. Фотия митр. Киевск. Ик. БМ Ахтырский. Прп. Тихона, Василия и Никона братья по плоти (икона в селе Соколове, Звенигородск. уезда, Моск. губ.).	31	п.	Мч. Емилиана и Иакинфа, прп. Памвы и Иоанна Печерских многострад.
16	ч.	Мч.: Иакинфа, Мокя, Марка, Диомиды, Евлампия, Асклиподота и Голиндухи, св. Анатолия патр. Царегр., прп. Александра. Перен. мощ. св. Филиппа, митр. Моск. Преставл. блг. кн. Василия и Константина Всеволодичей Ярославск., прп. Анатолия Печерск., блж. Иоанна юрод. Московск., прп. Иоанна и Лонгина Яренгских, Никодима Кожезерск. (Хозьюгского), св. Василия еп. Рязан.			